

Григорий Петрович Данилевский

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/danilevskiy/opochinin_danilevskiy.html.

"Друг Платон, но еще больший друг истина" - учит нас древность. Я подружился с Г.П. Данилевским на самом пороге его смерти: перед этим несколько лет подряд служа с ним вместе, я только ссорился с ним, и мы друг друга не любили. Скрепя сердце беру я перо, чтобы запечатлеть свои о нем воспоминания...

"Amicus Plato" (Друг Платон (лат.)), стараюсь убедить я себя, а в душу мою невольно закрадывается сомнение, как бы давние ссоры и неудовольствия не отразились на моих воспоминаниях о Г.П. Данилевском. Но как бы то ни было, попробую, и пусть его тень простит меня, если я, не сгущая красок, скажу неприятную ей правду.

В кратком очерке, где я говорил об А.П. Милюкове и его вторниках, я набросал мимоходом и фигуру Г.П. Данилевского. Помните, как он влетел в скромный кабинет Александра Петровича. Тут он не помешал никому и ничему. Но мы имеем свидетельство И.С. Тургенева, что он подобным образом в 1851 году влетел к Николаю Васильевичу Гоголю и прервал чтение "Ревизора" его гениальным автором. Как, я думаю, должны были взбеситься на "молодого, но уже назойливого писателя" собравшиеся у Гоголя гости. И это, надо сказать, было обычным приемом у Данилевского - всюду влетать, а не входить. При небольшом, но приличном своем росте он, вбегая куда-нибудь, как-то пыжился, как будто вырастая на глазах у вас, во всей красе выставляя украшавшую его звезду и надменно сощуривая глаза. Но не думайте, чтобы всегда и везде он корчил из себя сановника; попадая в общество настоящих сановников или родовитых людей с большим влиянием и значением, он, со свойственной ему эластичностью, как-то сразу становился чрезмерно скромным, мягким и даже угодливым. Он рад был всей душой быть полезным и всячески вызывался на услуги и действительно оказывал их, но всегда так, что это ничего ему не стоило: все делалось чужим горбом, чужими силами и даже на чужие средства.

Во время моей совместной службы с ним он был членом совета Главного управления по делам печати и главным редактором органа всех министерств газеты "Правительственный вестник", причем ему же принадлежал главный надзор над издававшимся тогда "Сельским вестником". Но не подумайте, чтобы эти многосложные обязанности отнимали у него много времени - вовсе нет. Дело обходилось очень просто: заседания совета по делам печати происходили не так уж часто, времени отнимали немного, да можно было иногда и отсутствовать на них.

В редакцию "Правительственного вестника" Григорий Петрович являлся обыкновенно в третьем часу дня. Здесь он обычно доставал из ящика письменного стола сложенную четвертушками бумагу с отогнутыми полями и начинал пестрить ее своим мелким почерком, продолжая какой-либо свой роман или повесть. Иногда только работа эта прерывалась или посещениями каких-либо официальных лиц, которых нельзя было не принять, или редкими осложнениями по службе. Она, эта служба, не доставляла ему никаких хлопот: были "дорогой" Евгений Николаевич и не менее "дорогой" Илья Антипович, которые спокойно вели дело. А контора с многочисленным штатом исполняла свои обязанности и, кроме того, давала сановитому романисту великолепных переписчиков. Пишущих машинок тогда еще не было, и все произведения Григория Петровича с малоразборчивых его оригиналов переписывались вручную в двух, трех экземплярах каждое. И два маленьких чиновника, занимавшихся этой работой, посвящали ей все служебное время, да еще работали и на дому. Зато рукописи романов и повестей Данилевского изготовлялись в великолепном виде: это были толстые тома в большую четверку, написанные чудесным почерком, на хорошей плотной бумаге.

Со временем, когда подросли детки Григория Петровича, Константин и Михаил, и стали обнаруживать наклонность пописывать, их юные произведения стали также переписываться в нескольких экземплярах в конторе. Однако это были только опыты: у Константина в прозе, у Михаила в стихах, и они, увы, не увидели света и осуждены были храниться в рукописях в одном из шкафов "Тришкиного архива", как непочтительно именовал его покойный Шубинский. Но кроме детских литературных опытов семьи Данилевского, бывало, что в конторе переписывались пространные критические статьи, посвященные произведениям Данилевского.

Помню я, между прочим, как было дело с помещением одного из романов Григория Петровича в журнале "Русская мысль". Не припомню сейчас, который из двух его романов это был - "Черный год" или "Сожженная Москва", но это дела не меняет.

В.М. Лавров приехал в Петербург договориться с Данилевским об условиях: размере гонорара,